

РЕАЛИИ В «КАЛЕВАЛЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ А. И. ТУРКИНА

В работе впервые на примере «Калевалы» и ее коми перевода, выполненного А. И. Туркиным, рассматриваются способы передачи финских реалий на коми язык. Реалии, будучи носителями национального колорита, как правило, не имеют соответствий в других языках, непередадимы в словарном порядке и требуют особого подхода при переводе.

Ключевые слова: «Калевала», коми перевод, реалии.

**I. Понятие реалии, способы классификации реалий
и передачи их в переводе**

Реалии входят как самостоятельный круг слов в рамки безэквивалентной лексики. Согласно С. Влахову и С. Флорину [1986: 55], реалии являются особой категорией средств выражения: это слова (и словосочетания), называющие предметы и понятия, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития, государственного устройства и фольклора) одного народа и чуждые другим, т. е. выражающие специфические особенности одного народа и отличающие его от других.

Важной чертой реалий является общеупотребительность среди большинства носителей исходного языка и чуждость носителям принимающего их языка. То есть в плане предметного содержания наблюдается тесная связь референта – обозначаемого реалией предмета, понятия, явления – с народом, страной, с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой. Отсюда соответствующий национальный (местный) или исторический (временной) колорит.

Реалии большей частью связаны с художественной литературой, где представляют собой одно из средств передачи местного и временного колорита.

В подавляющем большинстве своем реалии – имена существительные. Это обусловлено предметным содержанием реалий как особого класса лексики. Самостоятельные, непрямые реалии среди других частей речи встречаются редко, причисление таких слов к реалиям рискованно. Производные от реалий части речи сохраняют, по крайней мере, частично, свой национальный или исторический колорит. Особую группу таких производных составляют отыменные прилагательные, генетически связанные с реалиями.

К реалиям можно отнести и номинативные словосочетания, или «составные» реалии, т. е. такие сочетания слов, которые семантически в целом равны словам [Влахов, Флорин 1986: 17–20, 29–30].

С. Влахов и С. Флорин [1986: 55–88] выделяют несколько принципов, согласно которым можно классифицировать разные типы реалий: 1) принадлежность к соответствующим предметно-понятийным сферам (предметное

деление); 2) национальная и языковая принадлежность (местное деление); 3) синхронный, диахронный план; степень освоенности (временное деление).

Классификация реалий согласно предметно-понятийным сферам (предметное деление)

Географические реалии: названия объектов физической географии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков (видов растений и животных, ограниченных в своем распространении относительно небольшим пространством).

Этнографические реалии: бытовые названия и понятия (пища, напитки, одежда, жилье, мебель, посуда, средства передвижения, орудия труда); названия и понятия, относящиеся к искусству и духовной культуре (музыка, танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, предметы искусства, исполнители, обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, служители культа и их последователи, культовые здания и предметы, календарь); этнические объекты (этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства); единицы мер и денежные единицы.

Общественно-политические реалии: административно-территориальное устройство (административно-территориальные единицы, населенные пункты, части населенного пункта); органы и носители власти; общественно-политическая жизнь (политические организации и политические деятели, патриотические и общественные движения и их деятели, социальные явления и движения и их представители, звания, степени, титулы, обращения, учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия, касты и их члены, сословные знаки и символы); военные реалии (войсковые подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие и командиры).

Классификация с точки зрения местного деления (в плоскости одного языка либо пары каких-либо языков)

В плоскости одного языка:

1. Свои реалии:

а) *национальные.* Называют объекты, принадлежащие одному какому-нибудь народу, нации и чужие за пределами его страны. Таковыми является подавляющее большинство реалий, т. к. национальная принадлежность референта является одним из их категориальных признаков.

б) *локальные.* В отличие от национальных, принадлежат не языку соответствующего народа, а либо его диалекту, либо языку менее значительной социальной группы. Будучи диалектизмами, они обозначают специфические для данной области объекты или отношение к ним, обладая, поэтому, признаками типичных реалий.

в) *микролокальные* – реалии, социальная или территориальная основа которых уже даже самых узколокальных: слово может быть характерным для одного города или села, не теряя своих особенностей и, следовательно, требуя такого же подхода при переводе.

2. Чужие реалии:

Либо заимствования, т. е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки, т. е. поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы.

а) *интернациональные*. Фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари, вместе с тем обычно сохраняют исходную национальную окраску. Их содержание может отличаться от первоначального, исходного.

б) *региональные* – реалии, распространенные, обычно вместе с референтом, среди нескольких народов или стран (не обязательно соседних), являясь, таким образом, составной частью лексики нескольких языков.

В плоскости пары языков реалии рассматриваются главным образом с точки зрения перевода.

1. Внутренние реалии – слова, принадлежащие одному из пары языков, и, следовательно, чужие для другого.

2. Внешние реалии – слова, одинаково чужды обоим языкам.

Классификация с точки зрения временного деления

1. Современные.

2. Исторические – реалии, в которых исторический колорит преобладает над национальным. Это случается, когда чужая реалия относится, например, к глубокой древности (Древний Рим, Древняя Греция). Часто подобные реалии приобретают со временем переносные значения, переходят в разряд фразеологизмов, что еще больше ослабляет их отнесенность к определенному месту. В других случаях исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника.

3. По степени освоенности:

а) *знакомые реалии*. Принадлежат к словарному составу принявшего их языка. Данное качество чужая реалия приобретает со временем, в ходе употребления: она в течение достаточно продолжительного времени часто встречается в литературе, популяризируется (вольно или невольно) средствами массовой информации, употребляется многими носителями принявшего его языка. В результате это слово становится частью лексики данного языка и попадает в его словари.

б) *незнакомые реалии* – реалии, еще не вошедшие в лексику принявшего их языка.

в) *«модные» реалии*. Данный тип реалий еще в более значительной степени обусловлен фактором времени. Они неожиданно попадают в язык, завладевают вниманием широких кругов общества (первую очередь молодежи) и обычно скоро забываются.

Будучи носителями национального или исторического колорита, реалии, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, поэтому, не поддаются переводу «на общем основании», а требу-

ют особого подхода. Перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины.

Понятие перевода реалий может считаться условным: т. к. реалия, как правило, в словарном порядке непереводаема, но при этом она, как правило, передается в контексте другими способами.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей данного языка обозначаемого реалией объекта; 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и ее колорит (коннотацию) – национальную и историческую окраску [Влахов, Флорин 1986: 89].

Выделяются следующие основные способы передачи реалий в переводе [Влахов, Флорин 1986: 96–105]:

1. Транскрипция (и транслитерация)
2. Перевод (замена)
 - 1) Неологизм:
 - а) калька
 - б) полукалька
 - в) освоение
 - г) семантический неологизм
 - 2) Замена реалий
 - 3) Приблизительный перевод
 - а) родовидовая замена
 - б) функциональный аналог
 - в) описание, объяснение, толкование
 - 4) Контекстуальный перевод.

Транскрипция – передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв алфавита принимающего языка.

Транслитерация – передача букв иноязычного слова при помощи букв алфавита принимающего языка.

Перевод (и замена) реалии как прием передачи ее в переводе применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна.

Создание неологизма, многими исследователями считается наиболее подходящим после транскрипции способом сохранения смыслового содержания и колорита переводимой реалии. Ими могут быть кальки и полукальки.

Калька – заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота. Данный способ позволяет перенести в перевод реалию при максимально полном сохранении семантики, но далеко не всегда без утраты колорита. Чаще кальки бывают словосочетаниями, реже словами.

Полукальки – частичные заимствования, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова.

Освоение – адаптация иноязычной реалии, путем придания ей на основе иноязычного материала обличия родного слова.

Семантический неологизм – условно новое слово или словосочетание, созданное переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом.

Замена реалии оригинала реалией языка перевода приводит к недопустимой замене колорита первообраза своим колоритом. Встречаются и такие случаи, когда наиболее близкими аналогами чужой для языка перевода реалии оказывается реалия же, часто тоже чужая, часто интернациональная, но близкая, понятная читателю и в той или иной мере лишенная колорита.

Приблизительный перевод реалий применяется чаще, чем любой другой прием. Обычно этим путем удается (иногда не очень точно) передать предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, т. е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией.

Принцип родовидовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание реалий единицей с более широким значением, представляя родовое понятие вместо видového. В данном случае переводчик прибегает к приему генерализации.

При использовании функционального аналога реалия заменяется элементом вызывающим сходную реакцию у читателя перевода (например, замена игры, незнакомой читателю перевода, другой, более знакомой).

Описание, объяснение, толкование как прием приблизительного перевода обычно используют в тех случаях, когда нет возможности использовать вышеперечисленные способы. Данный тип перевода довольно близко подходит к родовидовым заменам. Приблизительный перевод реалий не в полном объеме передает содержание соответствующей единицы, а ее национальный или исторический колорит частично сохраняется лишь в том случае, если переводчик сумел подсказать его своим выбором средств выражения.

Контекстуальный перевод обычно противопоставляют «словарному переводу», указывая, таким образом, на соответствия, которые слово может иметь в контексте, в отличие от приведенных в словаре.

При приблизительном и контекстуальном переводе появляется довольно бесцветный заместитель оригинала, поскольку из текста исчезает реалия как носитель соответствующего колорита.

II. Реалии в «Калевале» и ее коми переводе

В тексте оригинала четырнадцати рун «Калевалы», имеющих перевод на коми язык (руны 1–10, 34, 40, 41, 44), нами обнаружены следующие наименования, которые можно отнести к реалиям:

Географические реалии

Названия объектов физической географии:

tunturi (Калевала 9: 84, 292)¹: ‘поднимающаяся над уровнем деревьев, обычно имеющая круглую вершину гора на территориях, покрытых в прошлом материковым ледником, в особенности в Фенноскандии’ [SKP III: 359]; ‘гора с беслесной и круглой вершиной’ [KS: 430]; ‘беслесная гора в Лапландии’ [ФРС: 660].

vaara (Калевала 4: 140; Калевала 10: 426; Калевала 34: 148, 149, 150, 168, 170, 214, 239): ‘высокая покатая гора меньше тунтури’ [SKS: 774]; ‘В естественном состоянии покрытый лесом высокий холм с покатыми склонами на территории когда-то покрытой материковым льдом, в особенности в Фенноскандии’ [SKP III: 441].

Названия некоторых видов животных:

alli (Калевала 4: 204, 206; Калевала 41: 85): ‘(утка) морянка (*Clangula*)’ [ФРС: 32]; ‘водоплавающая птица (*Harelda hiemalis*), которая в больших количествах встречается во время перелетов в центральной и южной Финляндии, особенно на берегах моря и больших озер’ [KST: 20].

kuujanen (Калевала 5: 64): ‘озерная кумжа, форель (*Salmo trutta*)’ [KS: 156; KST: 149]; ‘живущий в больших озерах вид лосося, озерный лосось’ [SKP I: 351].

muje (Калевала 41: 128): ‘ряпушка’ [KS: 231; KST: 212]; ‘*Coregonus albula*’ [ФРС: 383].

sotka (Калевала 1: 179, 199, 201; Калевала 41: 143, 245, 246, 248, 255): ‘чернеть, нырок (*Aythya*)’ [ФРС: 584]; ‘утка *Fuligula clangula*’ [KST: 313]; ‘ныряющая утка с коротким и коренастым телом’ [SKP III: 134].

Этнографические реалии

Пицца:

kuorekokkara (Калевала 4: 125): словарь лексики «Калевалы» А. Турунена [KST: 145] дает следующую трактовку данного наименования: «*kuore* ‘сливки’ + *kokkara* ‘ком, комок, клецка’. Вероятно в сливках приготовленная или в сливки обмакиваемая выпечка. Объяснение Э. Лённрота: “приготовленная из сливок дроблёна” (род сбитой с мукой и молоком яичницы [Даль I: 495]. – Н. Р.). Возможно, когда пели о *kuorekokkara*, имели в виду покрытые густой сливочной смесью булочки (восточнокарельское *шаньга*), которые являются широко известной выпечкой по всей северной России». Согласно А. Р. Ниemi, вероятнее всего имеется виду карельская выпечка типа пиро-

¹ Здесь и далее первая цифра в скобках указывает на номер руны оригинала «Калеваль» или ее коми перевода, цифры после двоеточия – на номер строки указанной руны оригинала или перевода; обозначения *a* и *b* указывают на варианты перевода 1-й руны (Калевала 1998; Калевала 1a; Калевала 1б; Калевала 2; Калевала 3; Калевала 4; Калевала 5; Калевала 6; Калевала 7; Калевала 8; Калевала 9; Калевала 10; Калевала 34; Калевала 40; Калевала 41; Калевала 44).

гов, которую ели, обмакивая в сливки или в топленное в печи молоко [Niemi 1910: 11–16].

mesileipä (Калевала 3: 466; Калевала 5: 120; Калевала 8: 45): согласно А. Турунену [KST: 207], это «хороший, вкусный хлеб. Метафора *mesileivän leipoja* ('пекущая медовый хлеб'. – *Н. Р.*) – девица, которую сватают в хозяйки. Данное наименование... до последних десятилетий использовали в Карелии для обозначения хлеба, подслащенного патокой, а также хлеба с сахаром. В старину городские и сельские торговцы давали их в придачу к другим хлебобулочным изделиям. Однако данное значение, скорее всего, слишком молодое, чтобы повлиять на лексику «Калевалы», оно основывается скорее на более ранних традициях употребления медового хлеба и медовой пищи. Русские и карелы знают еду, которую готовили из крупы, варили в меде и позже приправляли изюмом. Название блюда по-русски *кутья*. В православии это медовое блюдо использовали для поминовения усопших. Мед в ней олицетворял блаженство, которое ждет усопших в вере. Пища, которая встречается и в виде клёцок, освящалась в церкви в день поминовения усопших... Церковный по происхождению, медовый хлеб в народных традициях распространился в очень разных контекстах, его следы проявляются напр., в медвежьих песнях». В словаре Р. Юссила [KS: 222] говорится, что это хлеб, на котором есть мед. В «Финско-русском словаре» [ФРС: 372] переведено на русский язык как 'медовый пряник, медовая коврижка'.

simä (Калевала 9: 225, 250, 424, 430, 433): «Напиток, который приготавливали таким образом, что мед, перемешанный с большим количеством воды, варили некоторое время, после чего его подвергали брожению какими либо дрожжами. Его пили уже в прафинскую эпоху, наряду с пивом это был праздничный напиток древних финнов. В настоящее время *simä* используется как весенний напиток» [KST: 305]; '(питейный) мед, медок' [ФРС: 567].

taarivesi (1: 96): 'название ижорского пива' [KST: 324]; 'квас' [Niemi 1910: 2]; 'легкий повседневный солодовый напиток, (неважный) квас' [SKES IV: 1188].

Одежда:

sarkakauhtana (Калевала 41: 210): А. Турунен [KS: 110, 297] объясняет данное название следующим образом: «...сшитое из сермяги, в талии по телу, в подоле более широкая, длинная куртка... Карельский кафтан или мантия, плащ был в большинстве случаев белый, реже другого цвета. Зимний плащ из белой сермяги эвреймейсов (одна из основных этнических групп ингерманландских финнов, *ävrämöiset* [SKP III: 655] – *Н. Р.*) был особенно по вороту и у отверстий рукавов красиво украшен красными, красно-желтыми и желтыми шерстяными нитками. Во многих местах у плащей на месте передних крючков и на бедрах... были красные или черные кожаные или суконные куски. Старые белые плащи сохранились дольше всего в южной и приладожской Карелии, но одно поколение назад их можно было встретить еще и в северной Карелии». В свою очередь, Р. Юссила в своем словаре [KS:

110, 346] дает следующую трактовку данного понятия: «сделанная из сермяги накидка с поясом; длинная, перевязываемая поясом накидка».

Сооружения:

sauna (Калевала 4: 411, 413; Калевала 7: 294; Калевала 34: 54): «(маленькое) строение или комната (помещение), оборудованное каменкой и предназначенное для того, чтобы париться и мыться» [SKP III: 35]; в «Финско-русском словаре» [1975: 552] дается следующий перевод на русский язык: «баня».

Музыкальные инструменты:

kantele (Калевала 40: 235, 237, 239, 251, 258, 280; Калевала 41: 11, 20; Калевала 44: 7, 170, 173, 179, 195, 199, 229, 250, 305): согласно словарю А. Турунена [KST: 96], *kantele* – «старинный финский, первоначально 5-ти струнный, щипковый музыкальный инструмент, который использовался для аккомпанемента народных рун и песен. Согласно этнографическим данным кантеле – древний, возможно, самостоятельно созданный, музыкальный инструмент финно-угорских народов, который, по крайней мере, уже в общефинскую эпоху использовался как аккомпанемент при пении...». В ФРС [198] дается такой перевод на русский язык: «кантеле, гусли». В «Словаре русского языка» лексема *кантеле* объясняется следующим образом: «Финский и карельский народный струнный щипковый музыкальный инструмент, похожий на гусли» [СРЯ II: 27].

Мифология:

sampo (Калевала 1: 45, 47; Калевала 7: 311, 325, 329, 343; Калевала 10: 97, 210, 233, 261, 271, 281, 407, 413, 417, 424, 437, 501, 505): «приносящий счастье и богатства чудесный предмет в народной поэзии и «Калевале»» [SKS: 612; SKP III: 21].

Чудесный предмет, выкованный Илмариненом для хозяйки Похьёлы, борьба за обладание которым образует основу повествования «Калевальи». Существуют десятки различных (принадлежащих как самим рунопевцам, так и различным исследователям) трактовок понятия «сампо» от различных предметов и механизмов до небесных тел и различных символов: мельница, жернова, ступа, механизм для чеканки монет, бубен шамана, талисман, сокровищница, кантеле, щит, корабль, столб, трон, изображение божества, дракон, кит, осетр, радуга, звездное небо, мировой столб, Полярная звезда, солнце, древо жизни, земледелие, социалистический способ производства, коллективное хозяйство, просвещение [KS: 343–344]. Трактовка Р. Юссила: «рукописная книга и подставка для ее чтения в виде столба» [KS: 344].

В «Калевале» *sampo* предстает тройственной мельницей-самомолкой: один ее бок является мукомолкой, другой мелет соль, а третий производит деньги. Она мелет не только для повседневного потребления, но и про запас и на продажу. Образ данной самомолкой чудо-мельницы является воплощением идеи о безбедной жизни и благоденствии. Это представление основывается на народной поэзии, в первую очередь на олонечких и северо-

карельских вариантах рун, однако это только одно из множества представлений о *sampo*, изложенных в рунах, причем не самое распространенное из них. Первоначальное понятие затуманилось и на его место пришли фантазии [KST: 294].

Образ *sampo* в «Калевале» складывался у Э. Лённрота постепенно от первого неопубликованного варианта эпоса до третьего, окончательного, изданного в 1849 г. В нем использованы все имевшиеся в его распоряжении темы и мотивы народных вариантов, которые, однако, Э. Лённрот не стал окончательно «притирать», хотя многие из них и противоречили друг другу [Калевала 1998: 574].

Реалии «Калевалы» в коми переводе А. И. Туркина переданы следующими способами:

Транскрипция

sampo (Калевала 1: 45, 47; Калевала 7: 311, 325, 329, 343; Калевала 10: 97, 210, 233, 261, 271, 281, 407, 413, 417, 424, 437, 501, 505) → *Сампо* (Калевала 1а, Калевала 1б: 45, 47; Калевала 7: 311, 325, 329, 342; Калевала 10: 90, 200, 220, 246, 256, 266, 380, 386, 390, 397, 410, 472, 476).

Переводчик в сноске так поясняет данную реалию: *Сампо* – *дивö-изки* (руна 1, 10) ‘Сампо – чудо-жернов’.

kantele (Калевала 40: 251, 258; Калевала 41: 20; Калевала 44: 7, 170, 173, 179, 195, 199, 229, 250, 305) → *кантеле* (Калевала 40: 249, 256; Калевала 41: 19; Калевала 44: 7, 169, 172, 178, 194, 198, 226, 247, 301).

Кантеле является знакомой словарной реалией, слово содержится в «Словаре русского языка» [СРЯ II: 27], в словаре С. И. Ожегова [1964: 259], в различных энциклопедических словарях. Данное наименование также имеется в «Русско-коми словаре» [РКС: 327]. Видимо, поэтому переводчик считает, что название этого музыкального инструмента широко и хорошо известно и не нуждается ни в сносках с пояснениями, ни тем более в объяснении в самом тексте перевода.

Перевод с помощью кальки

kuorekokkara (Калевала 4: 125) ‘выпечка со сливками, сметаной (ком, комок, клёцка со сливками, сметаной)’ (*kuore* ‘сливки’ + *kokkara* ‘ком, комок, клёцка’) → *нõкъя шаньга* (Калевала 4: 124) ‘шаньга со сметаной’.

mesileipä (Калевала 3: 466; Калевала 5: 120; Калевала 8: 45) ‘медовая выпечка (медовый пряник, медовая коврижка)’ (*mesi* ‘мед’ + *leipä* ‘хлеб’) → *маа нянь* (Калевала 3: 460) ‘медовый хлеб’ / *маа шаньга* (Калевала 5: 114) ‘медовая шаньга’ / *маа көвдум* (Калевала 8: 45) ‘медовый колобок’.

Замену ф. *kuorekokkara* и *mesileipä* на к. *нõкъя шаньга* и *маа шаньга*, на наш взгляд, можно рассматривать и как полукальку с элементом замены на свою реалию, т. к. шаньга ‘род ватрушки, сочня, или простой лепешки’ [Даль IV: 621], ‘печеное изделие в виде ватрушки или лепешки’ [СРЯ IV: 700] является одним из наиболее известных блюд коми национальной кухни.

Замена реалий

sarkakauhtana (Калевала 41: 210) ‘кафтан (мантия, плащ) из сермяги, грубого сукна’ (*sarka* ‘сермяга, грубое сукно’ + *kauhtana* ‘кафтан’) → *шабур* (Калевала 41: 197) ‘просторная верхняя рабочая одежда из холста с круглым вырезом вместо ворота, балахон; старая изношенная дурно сшитая длинная верхняя одежда’ [КРК: 723; КЭСК: 316].

В переводе происходит замена чужой знакомой (словарной) финской реалии на коми реалию, которую также можно отнести к категории чужих освоенных (знакомых, словарных) реалий. Финское слово *kauhtana* ‘длинная накидка’ является заимствованием русского названия *кафтан* ‘старинная мужская долгополая верхняя одежда’, которое в свою очередь в русский язык попало из тюркских языков [SKES: 172; ЭСРЯ II: 212; СРЯ II: 41]. Коми *шабур*, по мнению М. Фасмера, является (также как и северорусское *шабур*, *шабура* ‘рабочий армяк’, а также марийское и хантыйское соответствия) заимствованием из тюркских языков [ЭСРЯ IV: 392]. Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» [1999: 316], в свою очередь, не отрицают возможность заимствования данного наименования из коми в северорусские говоры и в обско-угорские языки.

В целом замену финской реалии *sarkakauhtana* на коми реалию *шабур* можно считать адекватной. Однако, возможно, в данном случае более удачным было бы использование наименования к. *дукӧс* ‘армяк, зипун’, основа которого также является тюркским заимствованием [КЭСК: 97], но при этом семантика не содержит указаний на рабочий характер данного элемента одежды или на ее неопрятность или изношенность. В «Словаре русского языка» так трактуются слова *армяк* и *зипун*: армяк – старинная крестьянская верхняя распашная одежда из толстого сукна в виде халата или прямого кафтана без сбор [СРЯ I: 45]; зипун – старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана без воротника, обычно из грубого самодельного сукна [СРЯ I: 611]. Таким образом, на наш взгляд, к. *дукӧс* ‘армяк, зипун’ ближе по значению к ф. *sarkakauhtana* ‘кафтан из сермяги, грубого сукна’.

taarivesi (1: 96) ‘ижорское пиво, легкий повседневный солодовый напиток, (неважный) квас’ → *калия ырӧш* (Калевала 1а, Калевала 1б: 95) ‘жидкий квас (приготовленный в корчагах из сусла последних сливов); прокисший квас’ [КРК: 258, 763; КРС: 265, КЭСК: 115].

Приблизительный перевод

Родовидовая замена (генерализация):

alli (Калевала 41: 85) ‘утка-морянка’ → *утка* (Калевала 41: 83) ‘утка’.

kantele (Калевала 40: 239; Калевала 41: 11) ‘кантеле’ → *ворсан* (Калевала 40: 237) ‘музыкальный инструмент’ / *ворсантор* (Калевала 41: 8) ‘то, чем, на чем играют, музыкальный инструмент’.

kantelo (Калевала 40: 244) ‘уменьш. кантеле’ → *гажӧдчан* (Калевала 40: 242) ‘то, что веселит, развлекает’.

sima (Калевала 9: 250) ‘(питейный) мед, медок’ → *юмов чѳмасянтор* (Калевала 9: 250) ‘сладкое лакомство’.

sotka (Калевала 41: 143) ‘чернеть, нырок’ → *утка* (Калевала 41: 139) ‘утка’.

tunturi (Калевала 9: 84) ‘безлесная гора в Лапландии’ → *керѳс* (Калевала 9: 84) ‘возвышенность, гора’ [КРК: 269].

vaara (Калевала 10: 426; Калевала 34: 148, 149, 168, 170, 239) ‘гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии)’ → *керѳс* (Калевала 10: 399) ‘возвышенность, гора’ [КРК: 269] / *гѳра* (Калевала 34: 146, 165) ‘возвышенность, гора’ [КРК: 154] / *нѳрыс* (Калевала 34: 235) ‘возвышенность, холм, бугор, пригорок, кряж’ [КРК: 437] / *из* (Калевала 34: 147, 167) ‘камень, гора’ [КРК: 239].

Функциональный аналог:

vaara (Калевала 4: 140; Калевала 34: 214) ‘гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии)’ → *сотчѳмин* (Калевала 4: 139) ‘обгорелое, прожженное место, гарь, пепелище’ [КРК: 605] / *сѳрд* (34: 211) ‘топь, топкое торфяное место; низинный ельник’ [КРК: 586].

Данная реалия в тексте оригинала встречается в следующем контексте:

*Ennen neinnä ollessani,
impenä eläessäni
läksin marjahan metsälle,
alle vaaran vaapukkahon.*
(Калевала 4: 137–140).

Раньше, когда я была девицей,
Девой когда я жила,
Отправилась по ягоды в лес,
Под сопку (гору) за малиной.

*Tuonne tyttöni katosi,
tuonne sai sisarusi:
läksi marjahan metsälle,
alle vaaran vaapukkahon...*
(Калевала 34: 211–214).

Там моя дочь пропала,
Туда делась твоя сестра:
Отправилась по ягоды в лес,
Под сопку (гору) за малиной...

В переводе эти отрывки даны так:

*Кодыр ачым ньлѳн вѳлі, –
Там кад коллялѳм ѳд сэки, –
Вѳрѳ муни вѳтѳс вѳтны,
Сотчѳминнысь ѳмидз корсьны...*
(Калевала 4: 136–139).

Когда сама девицей была,
Молодое время проводили ведь тогда,
В лес пошла я ягоды собирать,
С гари малину искать...

*Со кызд ньлѳй менам воиис,
Со мый тэнад чѳйкѳд лоис:
Мунис вѳтѳс вѳтны вѳрѳ,
Сѳрдѳ, кѳни ѳмидз овлѳ...*
(Калевала 34: 208–211).

Вот как дочь моя пропала,
Вот что с твоей сестрой стало:
Пошла ягоды собирать в лес,
На топкое место (в низинный ельник),
где малина бывает...

В данном случае для передачи финской реалии автор перевода использует слова, которые в своем словарном значении не соответствуют словарному значению переводимой реалии, но выполняют ту же функцию в тексте. В оригинале действующие лица (мать Айно, сестра Куллерво)

отправляются за малиной в то место, где обычно данная ягода растет – подножье какого-нибудь небольшого холма. В переводе оно заменено аналогичными участками произрастания малины в лесу – выгоревшим после пожара или низинным влажным местом. В подобных местах преобладает кустарниковая растительность, в том числе и заросли малины.

tunturi (Калевала 9: 292) ‘безлесная гора в Лапландии’ → *тундра* (Калевала 9: 292) ‘тундра’.

Замена финской реалии на коми аналог происходит на основании того, что оба наименования обозначают вид северного, приполярного ландшафта. Выбор именно данного эквивалента, возможно, объясняется, во-первых, сходным звучанием и длиной, что немаловажно при переводе поэтического произведения. Во-вторых, тем, что слова *tunturi* и *тундра* одного происхождения, что, на наш взгляд, не мог не знать переводчик. Оба данных наименования восходят к саамскому языку, из которого произошло заимствование в финский и русский языки (в последний, возможно, посредством финского языка) [SKES: 1402; ЭСРЯ IV: 120]. Из русского языка это слово попало в коми. При этом трансформируется семантика заимствованной лексемы, которая в русском и коми языках имеет значение ‘безлесное пространство приполярных областей с моховым и лишайниковым покровом и наличием низкорослых кустарников’ [СРЯ IV: 426; Ожегов: 802]. Этимология слова объясняет и созвучие этих двух наименований. Слова не могут считаться полными аналогами друг друга, т. к. финское слово указывает на возвышенность, гору, а тундра, как правило, имеет равнинный рельеф. В. Даль в своем словаре [IV: 442] приводит следующее толкование последнего наименования: «северные, голые степи; ровная болотистая, мшистая плоскость до Ледовитого моря».

Данный вид замены можно, видимо, отнести, отнеси и к предыдущему типу, т. е. к замене чужой реалии на свою.

kuujanen (Калевала 5: 64) ‘озерная кумжа, форель’ → *кунджа* (Калевала 5: 61) *diat.* ‘мелкая семга’.

tuje (Калевала 41: 128) ‘ряпушка’ → *бядькормык* (Калевала 41: 124) ‘уклейка’.

sotka (Калевала 1: 179, 199, 201; Калевала 41: 245, 248, 255) ‘чернеть, нырок’ → *сювчӧж* (Калевала 1a: 174; Калевала 1б: 175; Калевала 1a: 193; Калевала 1б: 194; Калевала 1a: 195; Калевала 1б: 196) ‘гоголь’ / *утка горда* (Калевала 41: 230) / *горда* (Калевала 41: 233, 239) ‘кряква’.

alli (Калевала 4: 204, 206) ‘утка-морянка’ → *сювчӧж* (Калевала 4: 202, 204) ‘гоголь’.

Вышеперечисленные два вида рыб и два вида уток не характерны для коми территорий, поэтому переводчик заменяет их на более известные коми читателю, но при этом либо относящиеся к одному роду, либо обладающие схожими признаками.

sauna (Калевала 4: 411, 413; Калевала 7: 294; Калевала 34: 54) ‘сауна, баня’ → *тывсьян* (Калевала 4: 409, 411; Калевала 7: 294; Калевала 34: 53) ‘баня’.

sima (Калевала 9: 225, 433) ‘(питейный) мед, медок’ → *матор* (Калевала 9: 225) ‘медок’ (< *ма* ‘мед’ + *-тор* – уменьшительный суффикс) / *ма* (Калевала 9: 433) ‘мед’.

Последний пример можно отнести и к приему перевода с помощью описания, объяснения, толкования, т. к. коми эквивалент в какой-то мере дает толкование, раскрывает значение финской реалии.

Описательный перевод:

kantele (Калевала 40: 235, 237) ‘кантеле’ → *ворсан йортöd* (Калевала 40: 233, 235) ‘игральный (играющий) короб’.

Контекстуальный перевод:

sima (Калевала 9: 424, 430) ‘(питейный) мед, медок’ → *ма поз* (Калевала 9: 424, 430) ‘соты’ [ЗС: 64; ПНК: 112].

Сюда же, возможно, можно отнести и выше приведенные два других варианта передачи на коми язык финской реалии *sima*.

В переводе встречаются также случаи опущения реалий: *sotka* (Калевала 41: ф246/к231), *kantele* (Калевала 40: ф280/к278), *kantelo* (Калевала 44: 258), *vaara* (Калевала 34: ф150/к148).

Таким образом, в тексте оригинала четырнадцать рун «Калевалы» нами выявлено 14 различных наименований, которые в рамках пары языков (и культур), взаимодействующих в исследуемом нами переводе (т. е. в рамках пары «финский – коми»), можно отнести к категории реалий. Данный тип лексики не является многочисленным, т. к. описываемые в оригинале природные, бытовые, социальные, культурные аспекты очень близки коми языку и культуре. При переводе на языки народов, которые в географическом, культурном, бытовом и языковом плане стоят дальше от языка и культуры оригинала, объем относимой к реалиям лексики будет намного больше. Например, в рамках пары «финский – венгерский» количество наименований, которые можно было бы отнести к географическим реалиям, было бы более значительным в силу того, что природные условия обитания (растительный и животный мир, климат, ландшафт) венгров и финнов значительно различаются.

Выявленные реалии относятся к двум типам: реалии географические (объекты физической географии, животный мир; всего 6 различных наименований) и этнографические (пища, одежда, сооружения, музыкальные инструменты, мифология; всего 8 различных наименований). Наиболее разнообразно представлены названия различных животных и пищи (по 4 разных наименования каждое). Названия объектов физической географии представлены двумя названиями, остальные категории по одному. Данные 14 различных реалий употребляются в тексте оригинала 93 раза: чаще всего обозначения музыкального инструмента, мифологических предметов, животных, географических объектов и пищи, за ними следуют обозначения сооружений и одежды (35, 19, 13, 11, 10, 4 и 1 раз соответственно).

Наиболее часто реалии в тексте перевода передаются с помощью транскрипции: на этот способ приходится 51 % от общего количества случаев употребления реалий. Данный показатель является достаточно высоким вследствие того, что в тексте оригинала часто встречаются такие наименования, как *sampo* и *kantele*, которые в переводе транслитерируются: *sampo*, *кантеле*. В 21 % случаев наблюдается использование функционального аналога. В 14 % случаев переводчик прибегает к использованию трансформации генерализации (родовидовой замены). В 4 % случаев используется калька. По 2 % приходится на замену чужой реалии своей, описательный и контекстуальный переводы. В 4 % случаев реалия в переводе опускается.

Одна и та же реалия в разных местах перевода может передаваться разными способами. Так, реалия *kantele* передается как при помощи транскрипции (*кантеле*), так и путем родовидовой замены (генерализации) (*ворсан* 'музыкальный инструмент', *ворсантор* 'то, чем, на чем играют, музыкальный инструмент', *гажодчан* 'то, что веселит, развлекает'), а также описательного перевода (*ворсан йортод* 'игральный (играющий) короб'), а с географическими реалиями *alli* 'утка-морянка', *soitka* 'чернеть, нырок', *tunturi* 'безлесная гора в Лапландии' и *vaara* 'гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии)' используется и генерализация (*утка* 'утка'; *утка* 'утка'; *керос* 'возвышенность, гора'; *керос* 'возвышенность, гора', *гора* 'возвышенность, гора', *норыс* 'возвышенность, холм, бугор, пригорок, кряж', *из* 'камень, гора'), и функциональная замена (*сювчюж* 'гоголь'; *сювчюж* 'гоголь', *утка горда / горда* 'кряквя'; *тундра* 'тундра'; *сотчюмин* 'обгорелое, прожженное место, гарь, пепелище', *сёрд* 'топь, топкое торфяное место; низинный ельник').

С точки зрения освоенности в принимающем языке две реалии являются знакомыми – *sauna* и *kantele*. В «Русско-коми словаре» *sauna* переводится на коми язык как *сауна*, *финн пывсян* 'сауна, финская баня' [РКС: 862], а *kantele* дается в транслитерации как *кантеле* с описательным переводом *финньяслӧн да карельяслӧн музыкальнӧй инструмент* 'музыкальный инструмент финнов и карел' [РКС: 327].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1986.
- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. – М., 1989–1991.
- ЗС – Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. – Сыктывкар, 1993.
- Калевала 1а – Калевала. I сьыланкыв. Водзкыв. Му пуксьом. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 1985. – № 7. – С. 10–13.
- Калевала 1б – Калевала. Сьылан панас. Му пуксьом. Вяйнямӧйненлӧн чужом. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 1999. – № 12. – С. 3–9.
- Калевала 2 – Му кӧдзӧм. Мӧд сьыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин // Югыд туй. – 1987. – 23 июня.

- Калевала 3 – Калевала. Коймод сыланкыв. Сълбмөн вермасьом. Вудждіс А. И. Туркин // Коми му. – 1991. – 5 дек.
- Калевала 4 – Калевала. Нельод сыланкыв. Вайнямойнен да Айно ныв. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 1996. – № 7. – С. 59–67.
- Калевала 5 – Калевала. Витод сыланкыв. Велламольсь нывсö вугыргöm. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 2000. – № 1. – С. 3–7.
- Калевала 6 – Калевала. Квайтод сыланкыв. Ёукахайнен водзос мынтö. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 2000. – № 2. – С. 56–69.
- Калевала 7 – Калевала. Сизимод сыланкыв. Вайнямойнен Похьёлаын. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 2000. – № 4 – С. 60–66.
- Калевала 8 – Калевала. Көкъямысод сыланкыв. Войвывса ныв. Пыж вöчöм. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 2000. – № 6. – С. 44–48.
- Калевала 9 – Калевала. Окмысод сыланкыв. Пидзос дой бурдöдöм. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 2000. – № 7. – С. 37–47.
- Калевала 10 – Калевала. Илмаринен дорö Сампо. X сыланкыв. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 1984. – № 4. – С. 36–41.
- Калевала 34 – Куллерво аддзö бать-мамсö. «Калевалаьсь» 34-од сыланкыв. Вудждіс А. И. Туркин // Югьд туй. – 1985. – 23 июля.
- Калевала 40. – Вайнямойнен вöчö кантеле. Вудждіс А. И. Туркин // Югьд туй. – 1985. – 28 февраля, 5 марта.
- Калевала 41 – Калевала. Вайнямойнен ворсö кантелеөн. Вудждіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 1980. – № 6. – С. 40–42.
- Калевала 44 – Калевала. Карело-финскöй эпос. 44-од сыланкыв. Кантелелөн чужöм. Финскöй кыв выльсь вудждіс А. И. Туркин. Рукопись. Музей истории просвещения Коми края. ОФ 16012.
- Калевала 1998 – *Lömmrot E. Kalevala. Eeppinen runoelma karjalaisten ja suomalaisten muinaisten kansanrunojen pohjalta. Лёмрот Э.* Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Пер. Э. Киуру и А. Мишин. – Петрозаводск, 1998.
- КРК – Коми-роч кывчукöр / Отв. ред. Л. М. Безносикова. – Сыктывкар, 2000.
- КРС – Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. – М., 1961.
- КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. – М., 1964.
- ПНК – *Ракин А. Н.* Пемöс нимьяслөн кывкуд. – Сыктывкар, 2001.
- РКС – Русско-коми словарь / Под ред. Л. М. Безносиковой. – Сыктывкар, 2003.
- СРЯ – Словарь русского языка. I–IV / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.
- ФРС – Финско-русский словарь / Под ред. В. Олтыкайнена и И. Сало. – М., 1975.
- ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. I–IV. – М., 1986–1987.
- KS – *Jussila R.* Kalevalan sanakirja. – Helsinki, 2009.
- KST – *Turunen A.* Kalevalan sanat ja niiden taustat. – Lappeenranta, 1979.
- Niemi A. R.* Kalevalan selityksiä. – Helsinki, 1910.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. – Helsinki, 1955–1981.
- SKP – Suomen kielen perussanakirja. I–III. – Helsinki, 1990–1994.
- SKS – *Nurmi T., Rekiaro I., Rekiaro P.* Suomea suomeksi. Suomen kielen sanakirja. – Jyväskylä – Helsinki, 1994.

N. A. Rakin

The Realities in the «Kalevala» and its Translation by A. I. Turkin

For the first time on the example of «Kalevala» and its Komi translation made by A. I. Turkin methods of representation of the Finnish realia in the Komi language are discussed. Realia, as bearers of national spirit, as a rule, do not have equivalents in the other languages, untranslatable in dictionary order and require a special approach in translation.

Keywords: the «Kalevala», the Komi translation, realia.